

— Боюсь, что и я вхожу в число этих крыс, — с улыбкой заметил Су Чаншэн, ехавший верхом рядом с Чу Фэем.

— Ну, этого как раз нет. В конце концов, у меня нет ничего, чем вы могли бы поживиться. Это просто обычная работа по охране: как только цена будет выплачена, я её выполню, и нет нужды кого-то обманывать, — Чу Фэй поморщился и покачал головой, ответив весьма решительно. — К тому же, кто вы на самом деле — это меня не особо касается. Если вы — это вы, то я могу получить желаемое и заодно познакомиться с влиятельным человеком. А если вы не тот, за кого себя выдаёте, то я просто зря потрачу силы, что не такая уж большая потеря.

Чу Фэй говорил прямо и без обиняков.

— Сказано верно. Но не боишься ли ты, что это ловушка, расставленная для тебя или вашего поселения Чу? Или что я не тот, за кого себя выдаю, и просто втянул тебя в разборки со своими врагами?

— Тогда останется лишь сказать, что мне не повезло: стоило выйти из дома, как кто-то решил заманить меня в ловушку и прикончить. Неужели я и мои люди из поселения Чу вызываем такую ненависть? Что до того, что вы меня втянули — это само собой разумеется. Вопрос лишь в том, получу ли я своё. А если вы не тот, за кого себя выдаёте, то ваши враги вряд ли смогут с лёгкостью прикончить меня. Наоборот, я скорее добьюсь своего. Это просто азартная игра с некоторой долей риска.

— А не боишься, что даже если я — это я, то не собираюсь выполнять обещание и просто уберу тебя, чтобы замести следы?

— Не смешите меня. Если вы — это вы, то моё дело для вас — сущая мелочь, зачем же нарушать слово? А что касается устранения свидетелей, то это и вовсе бессмысленно. Я ведь толком ничего не знаю, а догадаться о том, что я знаю, может любой. Наверняка есть немало людей, знающих детали, а я просто оказался в нужном месте, чтобы быть полезным. Это не стоит того, чтобы марать руки.

— Теперь стоит. Ты интересный юноша. Не хочешь ли примкнуть ко мне?

После этого разговора Су Чаншэн перестал видеть в Чу Фэе лишь искусного разбойника. Он разглядел в этом молодом человеке некую свободу духа и проницательность. Су Чаншэн проникся симпатией к парню и решил предложить ему место у своей стороны.

Однако Чу Фэй, попав в этот мир, желал лишь жить в своё удовольствие. Ему особенно нравилась эта эпоха, и он мечтал странствовать по свету, любясь красотами мира. Он не чувствовал привязанности ни к одному из государств и не собирался идти на службу к сильным мира сего. Поэтому он прямо ответил:

— Благодарю за предложение, но я хочу остаться вольным странником. Когда отец и наши

люди смогут вернуться домой, я отправлюсь в путь, чтобы увидеть этот великолепный мир своими глазами. Город Чжаогэ в государстве Гань, город Сэньюй в государстве Юй, земли Цифэн в государстве У, или даже Байцю в империи Цзяло — везде есть свои дивные красоты. Я много слышал о них, но ещё ничего не видел, и мне очень хочется там побывать.

Су Чаншэн лишь понимающе кивнул. Он не стал настаивать: Чу Фэй не был из тех, кого легко переубедить или переманить на свою сторону. В умении разбираться в людях Су Чаншэн себе не отказывал.

Но стоило ему замолчать, как в разговор вмешалась Цинь Лин:

— Возьми меня с собой. Я знаю языки многих земель, умею обращаться с мечом и не буду обузой.

— Я знаю, что ты умеешь обращаться с мечом, и притом мастерски, но сейчас самое важное для тебя — присматривать за тётушками и невестками, договорились? — Чу Фэй закатил глаза и подтолкнул голову лошади Цинь Лин, заставляя её вернуться назад.

У него начинала болеть голова при виде этой девчонки. Она твёрдо решила связать свою судьбу с ним и стать его служанкой. Неизвестно, где она раздобыла у Нью Куя кольчугу и длинный меч, и теперь всюду следовала за ним, облачённая в доспехи. Если бы она предложила ему руку и сердце, он, возможно, и обрадовался бы — всё-таки красавица, — но когда она предлагала ему свою жизнь, он чувствовал себя не в своей тарелке. Он мог принять помощь Монкрейда и других воинов, был рад иметь таких умелых бойцов, но когда девушка рвалась в гущу сражений — это было для него слишком.

Однако некоторые вещи происходили вопреки его воле. Девушка оказалась на редкость упрямой и решительной: она не стала спорить, а просто развернула коня и поехала следом.

— Идут! Около двухсот человек, до них всего верста! — Чу Фэй хотел было что-то добавить, но увидел, как Ганкань, замыкавший отряд, примчался обратно, тяжело дыша.

— Остановиться! Укрепить оборонительные позиции повозками! — рявкнул Чу Фэй, обращаясь к Нью Кую и остальным охранникам.

Он был невероятно доволен этим чёрным гигантом, который не раз преподносил ему приятные сюрпризы. Его суровое, угрюмое лицо, которое выглядело таким лишь в отсутствие Хэ Бэйшаня, с каждым днём нравилось ему всё больше.

Причина, по которой Ганкань был в арьергарде, была веской. Обычно такие задачи выполнял Хэ Юньсу: он обладал природным даром, его ноги были быстры, как у легендарных скороходов, он передвигался бесшумно и мог стрелой пробить глаз орлу. Но сейчас Хэ Юньсу был нужен в другом месте — сначала как приманка, а затем Чу Фэй отправил его назад в поселение, чтобы предупредить Чу Гэ обо всём случившемся. Нужно было подготовиться к обещанному Су

Чаншэнем возвращению на родину и, что важнее, принять меры предосторожности на случай мести со стороны государства Ци.

Сначала Чу Фэй упустил этот момент, думая лишь о том, что если Су Чаншэн погибнет, это может навлечь беду со стороны государства Инь. Но он забыл, что если личность Су Чаншэна подлинна, то, спасая его, они навлекают на себя гнев государства Ци. Это было уже не то же самое, что разорить мелкое племя ради тренировки воинов.

Мелкие племена, хоть и находились на территории Ци, не принадлежали к правящим родам Туле. Если бы люди поселения Чу захотели присягнуть государству Ци, крупные вельможи могли бы просто отдать им эти племена в обмен на верность элитной конницы. Поэтому правители Ци не стали бы защищать эти племена — для них это была лишь тренировка и контроль численности населения.

Но если Су Чаншэн был тем, за кого себя выдавал, то Чу Фэй сорвал важные планы государства Ци. А поскольку Ци зажато между государствами Гань и Инь, любое соглашение между ними было невыгодно для Ци. В такой ситуации высокопоставленные лица Ци не оставили бы его поступок без ответа.

Поэтому отправить Хэ Юньсу с предупреждением было необходимо. Осторожность никогда не бывает лишней.

А Ганкань преподнёс ему огромный сюрприз. Несмотря на свои размеры, он был невероятно координирован, а его огромные шаги позволяли бежать с невероятной скоростью. Днём его было легче заметить, чем Хэ Юньсу, но ночью, сбросив лишнюю одежду, он становился почти невидим в темноте, да и выносливостью превосходил Хэ Юньсу. Когда он вызвался прикрывать отход и доказал свою состоятельность, Чу Фэй был в восторге, мысленно поблагодарив Монкрейда за отличную рекомендацию.

Конечно, был у него и минус: если он волновался, то орал не тише Хэ Бэйшаня, так что весь караван слышал его крики. К счастью, отряд подчинялся Чу Фэю, и люди, привыкшие к опасностям торговых путей, не впали в панику. Хоть времени на возведение надёжного укрепления из повозок не было, они быстро сцепили десяток фургонов, а три плоские телеги, на которых ехали женщины, поставили на ребро в качестве щитов.

— Факелы! — скомандовал Чу Фэй.

Десяток всадников вылетели вперёд, проскакали сотню шагов и метнули горящие факелы в разные стороны.

Как только всадники развернулись, чтобы вернуться, из темноты показались более двухсот конников. Первые семьдесят-восемьдесят человек сверкали доспехами и оружием. Остальные полторы сотни были снаряжены чуть скромнее, но всё же выглядели достойно: строй был ровным, без той хаотичности, что была у разбойников пару дней назад. Было ясно, что это обученные, закалённые в боях ветераны.

— Среди них много тех рабов, что были с нами, — заметил кто-то из братьев, чей взгляд был острее, чем у остальных.

— Армия дома Те? — Чу Фэй приподнял бровь.

Он не ожидал, что это будут именно они, но и не был удивлён. Если верить словам Хэ Юньсу, армии дома Те сейчас нужно было всё. А такая работа — получить щедрое вознаграждение, попутно разграбить караван и, возможно, завести связи с вельможами государства Ци — подходила им как нельзя лучше.

— Пусть все женщины садятся на коней, — тихо скомандовал Чу Фэй своим людям. — Вы уводите их, ищите любую возможность прорваться. Торговцы послужат приманкой, не оглядывайтесь.

Он не был злодеем, но и не собирался жертвовать своими ради чужих жизней. Он уже сделал достаточно, позволив своим братьям спасти семьи. Просить его заботиться о безопасности торговцев было бы нелепо.

Это было жестоко, ведь торговцы пострадали не по своей воле. Но такова жизнь: каждый сам за себя. Жертвенность — великое чувство, но немногим она под силу. За семь лет разбойничьей жизни, особенно за последние два года, он перестал терзаться сомнениями. Главное — выжить.

Поэтому, хотя он и хотел, чтобы все остались в живых, когда ситуация стала безвыходной, он не чувствовал вины за использование каравана в качестве прикрытия.

— Не езжайте в ту же сторону, что и я. Мир велик, ещё увидимся, — бросил он братьям.

Увидев врага, Чу Фэй понял, что не сможет защитить даже этих шестнадцать человек с их семьями. Он мог лишь надеяться, что они выживут. А вернутся ли они в поселение Чу — это было уже не в его власти.

— В атаку! — раздался клич врага.

Более двухсот всадников не колебались ни секунды. Как только свет факелов выхватил их из темноты, они начали стрелять из луков и обнажили клинки. Несмотря на численное превосходство, их натиск был яростным. Гул копыт сотрясал землю, а в воздухе, казалось, висела жажда крови и гнев обманутых людей.